

С тех пор как Мао Сяочуань поселился у Юаня Синя, прошло уже несколько дней. За всё это время лишь в самое первое утро ему удалось проснуться раньше хозяина квартиры. Во все остальные дни, стоило Сяочуаню открыть глаза, завтрак уже послушно дожидался его на столе.

Глядя на тарелки с простой, но сытной, невероятно аппетитной и полезной едой, Кудряшка каждый раз мучился жестокими угрызениями совести: стоит ли вообще прикасаться к этому великолепию?

После завтрака они неизменно отправлялись на занятия. Мао Сяочуань рулил своим небесно-голубым электроскутером, а Юань Синь, устроившись сзади, крепко обнимал его за талию здоровой левой рукой. И пусть Сяочуаню было чертовски неловко от этих объятий, пикнуть вслух он теперь не смел при всём желании.

В школе они то и дело сталкивались с Толстяком и Ли Сяовэем. Каждый раз во время утренней гимнастики Сяочуань ловил на себе тоскливый, полный немого укора взгляд Лю Да. Казалось, тот отчаянно хочет высказать ему миллион накопившихся вещей, но стоило бедолаге наткнуться на Юаня Синя, маячившего за спиной друга каменной глыбой, как он тут же терял всю свою смелость.

И чем сильнее робел Толстяк, тем крепче Мао Сяочуань уверялся в своих подозрениях. Теперь он не сомневался ни на секунду: ту грязную засаду с Братом Ба и его шайкой подстроил именно Лю Да.

Одно дело — школьные дразги и пацанские разборки, и совсем другое — натравливать на одноклассников уличную гопоту. Это переходило все границы. Сяочуань разочаровался в приятеле окончательно и бесповоротно; у него не осталось ни малейшего желания даже здороваться с ним.

Обедали они в школьной столовой, после чего возвращались в класс немного перевести дух. С переходом на зимнее расписание большинство приходящих учеников лишились права на полноценную обеденную передышку.

Вечером, сразу после звонка, Сяочуань снова усаживал Юаня Синя на свой скутер и вез домой. А там — ужин, уроки, ленивая болтовня ни о чём перед сном... Так незаметно пролетела целая неделя. Вопреки опасениям, это домашнее «заточение» вовсе не показалось Сяочуаню невыносимым. Напротив, всё складывалось куда лучше, чем он мог вообразить.

К примеру, больше не приходилось ломать голову и идти на любые ухищрения ради банальной возможности помыться. Не нужно было терпеть въедливую вонь нестиранных носков в комнате, воевать с соседями за право первым прорваться в душ и вдыхать удушливые ароматы, оставленные очередным «забывчивым» соседом, поленившимся спустить за собой воду. Преимуществ оказалась целая куча — пальцев не хватит перечислить.

Ложка дегтя во всём этом благолепии нашлась лишь одна... сон. Квартира у Юаня Синя была

просторной, комнат хватало, да вот только спальня была всего одна, и кровать в ней стояла тоже одна-единственная. Именно это обстоятельство долго не давало Сяочуаню покоя.

Сяочуань прекрасно знал, что спит он отвратительно: ворочается, крутится, пинается — словом, культура сна у него отсутствовала напрочь.

В школьной общежитии на чужие косые взгляды было плевать — там он спал на своей койке и творил всё, что душе угодно. Хотел — вертелся волчком, хотел — сгребал в охапку одеяло, грыз углы пододеяльника или комкал простыни...

Но здесь, под боком у Юаня Синя, правила игры менялись. Ложась спать, он каждый вечер мысленно заклинал себя:

«Не смей ворочаться. Руки-ноги не распускать. Никого не кусать. Только попробуй...»

Увы, все аутотренинги летели к чертям. Просыпаясь по утрам и обнаруживая себя в самых немыслимых позах, Сяочуань готов был со стыда сквозь землю провалиться. Ну ладно, ворочался — дело житейское. Но почему его вечно несло не к краю кровати, а строго к середине? А добравшись до центра, какого лешего он обязательно взгромождался прямо на Юаня Синя?

Ладно бы просто привалился боком, так нет же — надо было сгрести парня обеими руками, словно плюшевую подушку! И ладно бы просто тискал, но зачем, зачем он его постоянно кусал?!

Всякий раз, натываясь взглядом на багровые отметины на груди соседа, Сяочуань хотел забиться под кровать и остаться там навечно. Все его благородные порывы «поухаживать за раненым недельку» разбились о суровую и крайне постыдную реальность.

Самое удивительное, что Юань Синь каждое утро вел себя как ни в чем не бывало. Он не выражал никаких эмоций, а таинственные следы на коже он просто игнорировал, ни разу не удостоив их даже малейшего комментария. Словно искренне верил, что всё это — лишь невинное следствие неудачной позы во сне.

Сяочуань ума не мог приложить, как Юань Синь умудряется мириться с подобным, откровенно притянутым за уши объяснением. С другой стороны, наберись тот смелости спросить его напрямую — и Мао Сяочуань ни за что, ни при каких обстоятельствах не смог бы признаться в содеянном. Чисто физически бы не смог.

Две недели пролетели в этой странной смеси обыденности, школьной суеты и постоянного внутреннего напряжения. И вот, в очередное субботнее утро, Мао Сяочуань наконец набрался духу и озвучил то, что крутилось на языке уже давно:

— Слушай, мне кажется, твоё плечо уже почти зажило. Ты и сам прекрасно справляешься. Так что... пожалуй, мне пора возвращаться в общежитие.

Юань Синь стоял у раковины, держа в левой руке тубик с пастой. Услышав эти слова, он на секунду замер. Затем, помедлив, протянул тубик Сяочуаню:

— Держи.

Сяочуань растерянно моргнул и принял тубик.

Юань Синь молча уставился на него.

— Чего? — недоуменно спросил Сяочуань.

Юань Синь медленно хлопнул ресницами.

— Выдави мне пасту на щётку.

— А, точно, сейчас... — Мао Сяочуань мысленно хлопнул себя по лбу. Он торопливо выдавил пасту и аккуратно, едва ли не обеими руками, протянул щётку хозяину квартиры.

Окидывая его долгим взглядом, Юань Синь тихо вздохнул, забрал щётку левой рукой и, не проронив больше ни слова, принялся чистить зубы, глядя на своё отражение в зеркале.

Сяочуаня вновь уколола острая совесть. Тоже мне, «сиделка» нашёлся! Если подумать, вся его забота сводилась к тому, чтобы выдавить утром пасту, завязать шнурки перед выходом да застегнуть пару пуговиц на рубашке. В остальное же время это Юань Синь нянчился с ним, готовя завтраки и оберегая от напастей.

Он уныло замер за спиной Юаня Синя, чувствуя, как на душу наваливается глухая тоска.

Когда Юань Синь закончил, на его губах остался венчик белой пены. На этот раз Сяочуань наконец сообразил, что делать. Подхватив с полочки влажную салфетку, он сделал шаг вперёд и потянулся рукой к его лицу, бережно стирая остатки пасты.

Покончив с пеной, он снял с вешалки мягкое белоснежное полотенце, смочил его водой и, приподнявшись на цыпочки, принялся умывать Юаня Синя.

Мао Сяочуань впервые в жизни кого-то умывал. Он собственной матери с бабушкой никогда с таким усердием не прислуживал. В груди противно затрепетало волнение: а ну как он со своей неуклюжестью только разозлит Юаня Синя?

Юань Синь стоял смирно, послушно подставляя лицо под влажную ткань, и неотрывно смотрел на Сяочуаня, почти не мигая. От этого пристального взгляда робкое волнение Мао быстро переросло в какую-то совершенно иную, липкую и необъяснимую... неловкость.

Взгляд Юаня Синя всегда отличался от взгляда обычных людей — Сяочуань давно это заметил. Стоило парню посмотреть на него вот так, в упор, как внутри всё переворачивалось от странного дискомфорта. И ведь происходило это далеко не впервые.

Сяочуань мелко задрожал: руки застыли на весу, а икры напряглись. В суставах разлилась тягучая усталость, он почувствовал сухой жар в щеках, которых касался взгляд Юаня Синя, и густо покраснел.

Он решительно не понимал, что с ним происходит. Заболел, что ли? Сяочуань попытался отступить на полшага назад и опуститься на полную стопу, чтобы перевести дух. Но Юань Синь внезапно шагнул следом, мгновенно сократив дистанцию до минимума. Они оказались настолько близко, что ткань их домашней одежды соприкоснулась.

— Э... ты... — Сяочуань открыл было рот, но осёкся, заворожённый близостью чужого лица. Язык намертво прилип к нёбу, а все заготовленные слова мигом вылетели из головы.

— Мао Сяочуань, — позвал Юань Синь. В его обычно прохладном, бесстрастном голосе прорезались какие-то новые, непривычные интонации.

— А?.. — выдохнул тот.

Он попытался отшатнуться, но поперёк лопаток легла сильная, твёрдая рука Юаня Синя, пресекая любую попытку побега.

Они стояли вплотную. Юань Синь бережно, но крепко удерживал его, а его красивое лицо находилось так непозволительно близко, что Сяочуань без труда мог разглядеть в тёмных, бездонных зрачках собственное испуганное отражение и смешной кудрявый вихор. Горло пересохло, и он шумно сглотнул.

Минуту назад Сяочуань одной рукой держался за чужое плечо, а другой утирал лицо хозяина квартиры. Теперь же он нелепо упирался ладонью в крепкую грудь Юаня Синя, закинув вторую ему на шею. Поза со стороны выглядела бесстыдной до крайности.

— Ты... ты чего сказать-то хотел? — выдавил он.

Осознав всю неловкость их положения, Сяочуань кое-как совладал с онемевшим языком. Внезапный испуг подействовал как шоковая терапия, вернув ему способность членораздельно выражать свои мысли.

Упираясь ладонью в тёплую, упругую грудь Юаня Синя и стараясь не думать о том, насколько интимным выходит это прикосновение, он забормотал, отводя глаза:

— Эй... Слышь, ты зачем так близко придвинулся?

— Я... — Юань Синь разомкнул губы.

Сяочуань замер, со страхом и замиранием сердца ожидая продолжения.

— Я... — Юань Синь на мгновение засомневался. — Я просто подумал...

— О чём? — вырвалось у Сяочуаня само собой.

— Почему у тебя так сильно покраснело лицо? — В тихом голосе Юаня Синя отчётливо зазвучали весёлые нотки.

Мао Сяочуань судорожно глотнул воздух, изо всех сил толкнул Юаня Синя в грудь и, вырвавшись, бросился наутёк.

В груди бушевал пожар из стыда и глухого, непонятного раздражения. Выскочив из ванной, он вихрем влетел в кабинет и с головой закопался в груды разложенных на столе учебников и тестовых бланков.

Он судорожно сжимал ручку, уставившись в распечатку с заданиями, но мысли упрямо разлетались в разные стороны. Сяочуань смутно ощущал: Юань Синь изменился. Стал каким-то совсем другим.

Но каким он был раньше? На этот вопрос Сяочуань и сам не знал ответа. Раньше он попросту не обращал на одноклассника внимания. Юань Синь — неприкасаемый круглый отличник, гордость школы, а он сам — обычный раздолбай. Они жили в совершенно разных мирах.

Или, быть может, тот холодный образ, который Сяочуань нарисовал себе когда-то, никогда не имел ничего общего с реальностью? А настоящий, живой Юань Синь — вот он, стоит прямо сейчас за дверью ванной?